

УДК 2.294.321
ББК 86.210.35

Б.А. Бичеев

Калмыцкий научный центр РАН

БУДДИЙСКОЕ УЧЕНИЕ О СМЕРТИ В ТЕКСТЕ «ИСТОРИИ УНЕКЕР ТОРЛИКТУ ХАНА»

В статье анализируется буддийское повествование о царе Унекер Торликту, в содержании которого сочетаются увлекательное изложение и религиозная проповедь. В литературной традиции буддизма существует особый вид текстов, которые известны как джатаки и авадамы. В фиксированной литературной форме они состоят из обрамления и основной части. Обрамляющая и основная части текста были связаны общей темой религиозной проповеди. С помощью доступного и увлекательного содержания в сознании простых людей адаптировались установки, побуждавшие человека к вступлению на путь буддийского спасения. Одной из таких центральных тем является буддийское учение о смерти.

Ключевые слова: Буддизм махаяны, джатака, авадама, структура произведения, функция обрамления, сотериология буддизма, учение о смерти.

В.А. Bicheev

Kalmyk Institute of Humanity Research of Russian Academy of Science

BUDDHIST TEACHINGS ON DEATH IN THE TEXT “THE HISTORY OF UNICER TORLICHTU KHAN”

The article analyzes the contents of the Buddhist narrative about the king Unecer Torlikitu, which combines a fascinating narrative and a religious sermon. In the literary tradition of Buddhism there is a special kind of texts that are known as Jataka tales and Avadani. In a fixed literary form they consist of a frame and the main part. Framing the main parts of the text was linked by the common theme of religious sermons. The available and exciting content helped ordinary people to adapt installation that caused a man to enter the path of Buddhist salvation. One of these central themes is the Buddhist teaching on death.

Keywords: Buddhist literature, Jataka, Avadana, the structure of the work, the function of framing, the soteriology of Buddhism, the doctrine of death.

Актуальность темы исследования обусловлена постепенным возрастанием религиозного фактора в социокультурном пространстве России и Калмыкии в частности. В современном российском обществе традиционные религии претендуют на роль важного фактора как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Сегодня мы являемся свидетелями возрождения буддийской культуры калмыцкого народа. Его причины, содержание и последствия являются объектом пристального внимания современных религиоведов [подр.: 1; 2].

При этом следует отметить, что современный дискурс феномена буддизма обусловлен не только возрождением общественного интереса к ценностям и традициям буддийской культуры, но и необходимостью разработки нового исследовательского понятийного и языкового тезауруса проблематики, связанного с вводом в научный оборот древних письменных источников и буддийских текстов. В данном контексте актуальным представляется обращение к литературному наследию буддизма.

В буддийской литературной традиции особое место занимают тексты, повествующие о предшествующих рожденьях Будды Шакьямуни. В зависимости от характера его участия в описываемых событиях такие тексты принято делить на джатаки (санскр. *jātaka*; тиб. *skyes rabs*; калм. *törlüin üye*) и аваданы (санскр. *avadana*, тиб. *rtogs brjod*). В фиксированной литературной форме джатаки и аваданы состоят из вводного и заключительного обрамления («рассказ о настоящем») и основного повествования («рассказ о прошлом»). Во вводной части раскрываются события, давшие повод к изложению Буддой об одном из своих прошлых рождений. Основную часть составляет сюжет, поведенный основателем учения. В заключительной части Будда раскрывает причинно-следственную связь между событиями нынешнего и прошлого [3]. Текст обрамления джатак и авадан организован в форме диалога Будды с одним из его последователей. Такая структура, состоящая из обрамления и основной части, вполне логична, поскольку обрамляющая и основная части текста были связаны общей темой религиозного наставления. В традиции буддизма принято рассматривать такие произведения как одну из форм проповеди учения [4, с. 8].

Таким образом, джатаки – это повествования, в которых Будда выступает активным действующим лицом рассказов о прошлом и является участником нынешних событий, послуживших поводом для таких историй. Связывая события настоящего и прошлого, повествование устанавливает причинно-следственную связь между ними, самим Буддой и лицами, фигурирующими в историях, им поведенных. В аваданах Будда лишь демонстрирует окружающим прямую причинно-следственную связь между событиями нынешними и далекого прошлого. Сам же он к ним ни в настоящем, ни в прошлом непосредственного отношения не имеет.

В буддийской литературе также известны трансформированные джатаки и аваданы, в сказочной форме восхваляющие ценность учения и пользу от соблюдения буддийских морально-этических норм. Сохраняя в своем содержании естественное сочетание поучительности с увлекательным изложением, они в то же время выполняли свое главное назначение, – адаптировать в сознании простых верующих морально-этические установки буддийского учения, акцентировать внимание верующих на закон причинно-следственной связи, определяющего их нынешнюю жизнь и будущие рождения [5, с. 8]. К таким трансформированным текстам авадан относится известное произведение старокалмыцкой литературы «История Унекер Торлику хана» («*Ünekēr törölkiti sayin xāna tuuji*») [6]. По данным, имеющимся в различных каталогах монгольских рукописей, известно о восьми списках этого текста на «ясном письме», хранящихся в рукописных фондах России, Монголии и Китая [7, 8, 9].

Обрамленная структура «Истории Унекер Торлику хана» выстроена по установленному литературной традицией принципу и состоит из обрамления и основной части. Во вводной части обрамления раскрывается событие, послужившее причиной для повествования Буддой сюжета об Унекер Торлику хане. Шесть тысяч бодхисаттв, проявившие усердие в реализации пути бодхисаттвы, убедившись в невозможности пресечь привязанность к сансаре, не получив наставлений обо всех достоинствах Авалокитешвары, отправляются к Будде. Прибыв к месту его пребывания, бодхисаттвы, выразив свое почтение тройным обходом и опустившись на правое колено, представляются ему. Затем один из них, объяснив причину их прихода, обращается к Будде с просьбой поведать им обо всех достоинствах Авалокитешвары. Будда, тихо улыбнувшись в ответ на просьбу, поведал о том, что для наставления обо всех достоинствах Авалокитешвары, которых больше чем волосков на теле бодхисаттвы, не хватит и кальпы времени. Затем он дает бодхисаттвам краткое наставление в виде увлекательного повествования об Унекер Торлику хане.

Основную часть произведения составляет сказочный сюжет, соотносимый с фольклорным типом 327А «злая мачеха» [10], в котором действительно возносится ценность учения буддизма махаяны. В некоем государстве жил хан по имени Унекер Торлику (досл. *Праведно Рожденный*). Была у него мудрая жена Буяни Белег (досл. *Признак Благодеяний*), двое малолетних детей – сын Оюн Чиктэ (досл. *Правильный Ум*) и дочь Эрдени Цецег (досл. *Драгоценный Цветок*). Бесчисленное количество подданных во главе с правителем и его супругой днем и ночью находились под прибежищем Трех Драгоценностей буддизма, а потому жили они в мире и благоденствии. Пять сотен ведьм (шулмусок), собравшись на совет, решают разрушить благополучие страны. Для исполнения задуманного младшая из ведьм направляется в страну Унекер Торлику хана и насылает смертельную болезнь на мудрую ханшу. После ее смерти, приняв облик дочери простого пастуха, ведьма (шулмуска) становится женой хана. Далее сюжет последовательно развивается согласно типовому сказочному сюжету «злая мачеха»: мнимая болезнь мачехи-шулмуски – требование умертвить ханских детей – бегство детей из страны – долгий путь и благополучное прибытие в другую страну – женитьба и возвращение повзрослевшего героя – уничтожение мачехи-шулмуски – освобождение отца и подданных.

Заключительная часть обрамления состоит из единственной фразы Будды о том, что в образе принца Оюн Чиктэ, сына Унекер Торлику хана, в далеком прошлом родился сам бодхисаттва Авалокитешвара, чтобы помочь всем существам сансары обрести истинный путь к конечной цели. В этой единственной фразе заключительной части обрамления выражено доктринальное положение буддизма – закон причинно-следственной связи (закон кармы), определяющий нынешнюю и будущую участь каждого существа сансары.

Все основные темы религиозного наставления обозначены во вводной части обрамления. Во-первых, махаянская концепция бодхисаттвы, идеальной личности (*самтва*), стремящейся к просветлению (*бодхи*). Она связана с понятием достижения определенного настроя сознания (*бодхичитты*; *dēdū bodi sedkel*), которая выражена в виде главной формулы символа веры буддизма махаяны – «Да стану я буддой на благо всех существ сансары!» [11]. Согласно концепции буддизма махаяны, любой человек, достигший уровня укрепления в своем сознании «четыре безмерных», может достичь нирваны. Понятие «четыре безмерных» (калм. *dōrbōn caqlaši ügei*) включает такие сверхценностные смысловые значения, как «безмерная мудрость» (калм. *caqlaši ügei biliq*), «безмерное сострадание» (калм. *caqlaši ügei nigüüleskü sedkel*), «безмерное усердие» (калм. *caqlaši ügei kecēnggüi*) и «безмерное дружелюбие ко всем живым существам» (калм. *caqlaši ügei*). При этом под бодхисаттвой подразумевается каждый, кто принял обет буддийского Прибежища. Поэтому под шестью тысячами бодхисаттв вступительной части обрамления следует понимать обычных мирян, принявших обеты бодхисаттвы.

Махаянский идеал бодхисаттвы связан с утверждением в ней такого концептуального понятия, как повсюдность природы Будды (калм. *burxani züreken tügēmel*). Каждое из существ сансары, вне зависимости от его социального статуса и формы рождения, обладает природой Будды, т.е. потенциальной возможностью достижения состояния просветления. Основой в достижении конечной цели является обретение знания и отречения неведения, невежества и глупости (калм. *ülü medeküi, mungxaq, xarangui bürküüdeqsen*), которые являются корнем привязанности к сансаре. Этим и обосновано обращение шести тысяч бодхисаттв к Будде с просьбой о наставлении.

Сочетанию мудрости (*biliq*) и метода (*arya*) способствует опора на сострадание (*nigüülesükü sedkel*), олицетворением которого и является бодхисаттва Авалокитешвара. Напомним, что «История Унекер Торлику хана» – это авада, пове-

---

ствующая о событии прошлой жизни Авалокитешвары. Это очень важный факт для понимания того, что именно преподносится в данном повествовании в качестве основополагающей установки буддийского наставления, поскольку все остальные постулаты учения, раскрываемые уже непосредственно в содержании основной части, будут подчинены ей.

В буддизме махаяны, провозгласившей своим главным идеалом бодхисаттву, образ Авалокитешвары является олицетворением универсального и безграничного сострадания [12]. Уже в раннем буддизме махаяны наряду с Манджушри, олицетворявшим мудрость Будды, Авалокитешвара персонифицировал милосердие и сострадание Будды. Миф гласит, что, увидев страдание живых существ сансары, погрязших в грехах, Авалокитешвара от отчаяния ударил головой о землю, отчего она распалась на множество частей. Поэтому в иконографии его изображают многоликим и многоруким. Согласно преданию, из слезы Авалокитешвары родилась бодхисаттва Тара – «мать-спасительница шести видов существ сансары». Земным воплощением Авалокитешвары считается духовный лидер буддистов Далай-лама.

Во-вторых, обращение к Будде шести тысяч бодхисаттв (мирян, принявших обеты бодхисаттвы), не сумевших полностью освободиться от привязанности к сансаре, с просьбой о наставлении акцентирует внимание верующих на необходимости осознания базовой идеи буддизма – Учения о Четырех Благородных Истинах. Объяснив Истину страдания как природу сансары; Истинной причиной страдания – привязанность к сансаре; Истину прекращения страдания как достижение нирваны и Истину Благородного Восьмеричного Пути как пути преодоления страдания – Будда впервые провернул колесо своего учения. Эта базовая идея буддизма актуальна для всех школ и направлений буддизма.

В-третьих, просьба бодхисаттв актуализирует еще один важнейший постулат буддизма – идею о драгоценности рождения человеком. Согласно учению Будды, только человек способен достичь состояния просветления. Он не так погружен в обманчивое блаженство, как боги, но и не настолько измучен, как обитатели ада; кроме того, в отличие от животных, человек наделен интеллектом [13, с. 24]. Антропocosмическая направленность позволяет буддизму осмысливать человека в качестве смыслового центра мироздания. Из постулируемых буддизмом «шести разрядов живых существ» только человек способен к духовному развитию, к прогрессу сознания и преобразованию своей природы. В этом даже боги, которые согласно буддийскому учению, как и все остальные существа, также входят в разряд шести одушевленных существ и подчинены закону причинно-зависимого происхождения, уступают ему. Эта центральность положения человека в буддийской иерархии существ, населяющих сансару, предоставляет ему уникальную возможность – вырваться из круга сансарического бытия. Незнание и неиспользование этой реальной возможности – величайшее невежество.

Таким образом, во вступительной и заключительной частях обрамления, в диалоге между Буддой и бодхисаттвами, обозначены базовые установки буддийского учения – идеал бодхисаттвы, идея повсюдности природы Будды, тема драгоценности рождения человеком, закон причинно-следственной связи (закон кармы).

В основной части повествования, среди прочих буддийских наставлений, акцент сделан на центральном положении буддийского учения – теме непостоянства всего сущего и неизбежности смерти. Эта центральная тема буддийского учения не могла не найти своего отражения в этом повествовании, поскольку отношение простых верующих к смерти является одной из важнейших особенностей их религиозного мироощущения. Акцент, который делает буддизм на медитацию смерти, чрезвычайно

важен для тех, кто вступает на путь спасения. При этом концепция неизбежности смерти в ходе развития сюжета повествования повторяется дважды. Впервые она возникает при развертывании микросюжета «болезнь и смерть жены хана». Отравленная ядом ведьмы (шулмуски), мудрая ханша Буяни Белег в своем предсмертном завещании напоминает мужу центральную тему буддийского учения о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти. Она просит хана, находясь под прибежищем Трех Драгоценностей, проявлять усердие в практике учения. На ее примере, осознав неизбежность смерти, неустанно развивать в себе сострадание (калм. *eneriküi sedkel*) ко всем живым существам. Ради блага всех живых существ неотступно следовать по пути «четырех безмерных» (калм. *dörbön caqlaši ügeyigi*) до полного достижения святости. Она говорит хану о том, что в предсмертной медитации ей удалось увидеть «чистую землю», место ее будущего рождения, что жизнь не вечна и подобна волшебному миражу, что волны четырех океанов (смерти, старости, болезни и смерти) накрыли мир живых существ. Супруга напоминает мужу о том, что сразу же после смерти, минуя череду рождений (калм. *busu töröl zabsaral ügei*), она появится из цветка лотоса (калм. *padma-ēce xubilun töröd*) в раю Сукхавади (калм. *Sukavadiyin orondu*) перед ликом самого будды Амитабхи (калм. *Amidabhayin gegēni*). Находясь там, она «крюком» (калм. *nigülesküiyin yoxo-bēr*) милосердия будет способствовать их рождению в «чистой земле». Как сказано в тексте повествования, произнеся свое завещание, она «освободилась от страданий, сразу же вступив из первого уровня медитации на третий» (калм. *uridu samadi-ēce yutayār samadi-du yasalang-ēce nōqčibei*).

Вторично, тема непостоянства и невечности всего сущего почти слово в слово звучит из уст ведьмы (шулмуски) во время ее «мнимой болезни». Повторение – характерный для многих буддийских текстов прием, который способствовал закреплению тех или иных важнейших догматических установок в сознании верующих. Кажущаяся алогичность происходящего, когда постулат о неизбежности смерти произносится нечистой силой, только подтверждает универсальность действия буддийского закона. Все без исключения существа сансары – смертны.

Буддийские учителя утверждают, что сначала необходимо прийти к осознанию непостоянства и невечности всего сущего и только потом приступать к постижению других духовных практик. В шастре Дже Гампопы «Украшение Освобождения» («*Tonilxuyin čimeq kemēkü šaštir*») говорится, что первым и обязательным предметом устного наставления Доброго друга (Учитель–наставник; тиб. *dgeba'i bsheg nyen*; калм. *sayin nōkōr*) должна быть тема непостоянства всего сущего и неизбежности смерти. Для медитативной практики наставления в тексте шастры дается ряд аллегорических сравнений. Скоротечность земной жизни уподобляется стремительному полету стрелы, необратимому низвержению водопада, неотвратимости пути восходящего на эшафот [14, с. 37–39].

Буддийское учение о смерти, основы которого изложены в тибетской «Книге мертвых» (тиб. *bar-do'i-thos-sgrol*; калм. *zuurdin sudur*), представляет собой свод универсальной духовной практики, которую предстоит пройти каждому в области промежуточного состояния, прежде чем определится его будущая форма существования [15]. Она служила своеобразным наставлением, помогающим в момент наступления смерти не растерять своей духовности, предписываемой религиозной традицией, учила встречать смерть с ясным осознанием неизбежности устранения тела. Однако теоретические построения философского буддизма о смерти были недоступны для понимания простых верующих, но именно они послужили основой для формирования народного представления о смерти. Теоретические установки буддизма были соотнесены с традиционными представлениями и выражены в виде рассказов

о «видениях буддийского ада» и в форме наставлений в произведениях, подобных «Истории Унекер Торлику хана». Подлинность изложенного в таких повествованиях и наполненность высшим религиозным смыслом никогда не подвергалась сомнению верующими. Общий вывод, к которому должен прийти каждый верующий, заключается в понимании того, что в пределах сансары все живые существа подвержены закону причинно-зависимого происхождения.

Таким образом, тексты, подобные «Истории Унекер Торлику хана», проповедуя в художественной форме буддийские добродетели, приобщали простых верующих к мысли о ценности буддийского учения. В таких текстах выражены основные принципы народной религиозности, которые имеют логическую связь с концептуальными положениями учения. Популярный сюжет не только повествует, но и воздействует на сознание, поскольку в нем имманентно присутствуют те элементарные базовые идеологемы, которые лежат в основе народного представления. Основная дидактика произведений свидетельствует о том, что в народном представлении доминировал принцип воздаяния, ставящий посмертную участь в исключительную зависимость от добрых или греховных деяний при жизни. В конечном итоге закон кармы воплотился в народной традиции в виде идеи перерождения, став одной из ее основных идеологем и ценностно-нормативным регулятором повседневной жизни простых верующих.

Список литературы

1. Бадмаев В.Н., Уланов М.С. Буддизм в Калмыкии: проблемы возрождения и перспективы развития // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Часть 1. Сер. «Южнороссийское обозрение». Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С.74-86.

2. Уланов М.С. К проблеме возрождения буддизма в Калмыкии // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа. Материалы Международной конференции, посвященной 405-летию со дня рождения выдающегося просветителя Зая-Пандиты Намкай Джамцо. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С.138-143.

3. Волкова О. Предисловие // Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисаттвы. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – С. 5–24

4. Эрман В., Парибок А. Предисловие // Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. – СПб.: МЭОО «Возрождение» – Культурный центр «Удияна», 2003. – С. 3–20.

5. Парфионович Ю. М. Введение // Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 8–19.

6. Бичеев Б. А. О списках рукописей и устной версии «Истории Унекер Торлику хана» // Монголоведение: сборник научных трудов. Вып. 9. – Элиста: КалмНЦ РАН. 2016. – С. 103–110.

7. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: В 3 т. [Текст] / А. Г. Сазыкин – М.: Наука, 1988. Т. 1. – 507 с.

8. Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл [Текст] / G. Gerelmaa – Ulaanbaatar, 2005. – 270 с.

9. Galdan Do. Ünenker törlkitü sayin hana-u tuγüji orošiba. – Šinjiyang-un arada-un keblel-un хoryi-a, 2013. – 296 х.

10. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне.– Л.: Государственное Русское географическое общество, 1929. – 118 с.

11. Бичеев Б.А. «Иткл» – символ веры буддийской веры // Мир «ясного письма»: сборник научных статей. – Элиста: КИГИ РАН, 2009. – С. 49–55.

12. Поповцев Д. В. Бодхисаттва Авалокитешвара. История формирования и развития махаянского культа. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с.

13. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.

14. Дже Гампопа. Драгоценное украшение освобождения. Исполняющая желания драгоценность истинного Учения. Пер. с тиб. Б. Ерохина. – СПб.: Культурный центр «Удияна», 2001. – 340 с.

15. Тибетская книга мертвых. Пер. с англ. О. Тумановой. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – 384 с.